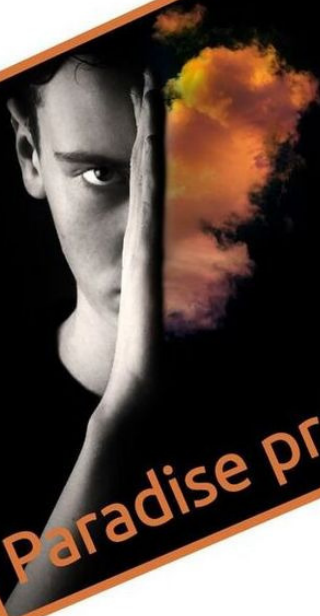

18+

Алексей Филановский

Paradise project

Алексей Филановский

Paradise project

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63754576

ISBN 9785005310712

Аннотация

Фантастическая повесть, действие которой проходит в двух временных отрезках – 2020 и 2035 годах. Герой – корпоративный менеджер средних лет, который, преодолевая кризис среднего возраста, увлекся писательским ремеслом. Дела с книгой шли не очень, а вдобавок ему диагностировали рак. Однако, отправившись на операцию, он не мог даже предположить, что жизнь изменится коренным образом. Неожиданная развязка наводит на философские размышления.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	20
Глава 3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Paradise project

Алексей Филановский

Назовем это Paradise project

© Алексей Филановский, 2021

ISBN 978-5-0053-1071-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

*И надо оставлять пробелы
В судьбе, а не среди бумаг,
Места и главы жизни целой
Отчеркивая на полях*
Б. Пастернак

20 апреля 2035 года

Темно, зачем я проснулся? Который час вообще? Голова тяжелая, веки заплыли. Это не дом, определенно. Повернуться не могу, мешает что-то. Я, наверное, в больнице, как обычно. Наркоз тяжеловато отходит. О, вот и свет – лента какая-то под потолком – отличное решение. По глазам не бьет.

Ни одного окна в палате, зато один лежу. Интересно, все-таки, утро сейчас или можно поспать еще. Никак не могу вспомнить, какой день был, когда ложился. Надеюсь, выходной сейчас. Телефон свой не вижу поблизости. Ведь наверняка куча сообщений.

Было бы окно, открыл бы форточку и спросил «какое, милые у нас тысячелетье на дворе». Но нет, надо ждать, чтобы пришел кто-то. Должна, конечно, быть кнопка вызова, но и ее я не вижу. Ладно, полежу, пока в голове прояснится.

Сигнал из палаты Адама был для Лили не то, чтобы пол-

ной неожиданностью, но в некотором роде сюрпризом. Для всех остальных людей это была настоящая сенсация – событие, которого никто уже не ждал. Но Лиля была осведомлена более других, и надеялась, что сигнал рано или поздно поступит.

Адам впал в кому после операции почти 15 лет назад, а лет пять назад стал знаменитостью. Его романы внезапно попались на глаза одному из нетфликсовских шоураннеров, и тот решил, что интеллектуальная проза может быть хорошей приманкой для NewA-Generation, которое подрастало и с презрением относилось к предшественникам, сменившим «большую культуру» на клипы и мемы. Сложный многослойный продукт вновь входил в моду, и малоизвестное произведение автора из «третьего мира» оправдало ожидания американского «кладоискателя».

И когда в прошлом году Лиля выиграла битву за вакансию в этом госпитале, неожиданным бонусом для нее стала новость о том, что одна из палат давно закреплена за Адамом Богдановым.

Больница на берегу Днепра негласно считалась не только дорогой, но и самой лучшей в городе, и недостатка в известных пациентах не испытывала. Но Лилю впечатлил именно писатель, мирно почивающий на лаврах и без сознания. Она в свое время настолько увлеклась сериалом, что нашла и прочла книжку. И книжка, как принято было в ее поколении, понравилась ей больше.

Поначалу Лиля заходила к Адаму, чтобы поделиться впечатлениями о прочитанном, как на кладбище к добротному мертвому классику. Этот был не барельефом, а живой натурой, хотя толку от него было, как от покойника. Она указывала ему на несуразности, и иногда пересказывала смешные отрывки из фанфиков. Он смотрел перед собой строго, осуждая подобные вольности. Лишь раз он в причудливой игре света сморщил, как показалось Лиле, одобрительную гримасу. В тот момент, когда она тайком провела к нему подружку, и они, уже слегка пьяные, сняли на видео косплей одной из знаменитых непристойных сцен сериала.

Впрочем, специализацией Лили была физиология головного мозга, и вдоволь посмеявшись, она решила повнимательней познакомиться с историей болезни и актуальными показателями пациента. К своему удивлению она выяснила, что мозг, писателя, в сущности, не поврежден, и, скорее всего, при выводе из комы, будет функционировать нормально. Вот только протокола вывода при таком случае у нее не было. Отсутствовала ключевая информация о обстоятельствах погружения в бессознательное состояние. Собственно, ее и не могло быть, поскольку в 2020 году эти данные не считались значимыми, да и операция в ходе которой случилось несчастье, была совершенно рядовой с точки зрения применения наркоза.

Протокол следовало нащупывать, и Лиля задумывалась о том, чтобы начать исследовательскую работу, подспудно

собирая материал, но руководители не сильно одобряли такой выбор темы, поскольку область практического применения было крайне ограничена.

Девушка не противилась, но когда оставалась на дежурстве, заходила к телу Адама не только чтобы отпустить какую-нибудь шутку, или сообщить литературную новость, но и с тем, чтобы минут десять почитать ему его собственный текст, наблюдая за реакцией. Когда она садилась рядом Адам частенько реагировал символическими движениями рук, вроде того, как кот во сне подергивает лапками, отчаянно пытаясь куда-то успеть. Само по себе это ни о чем не говорило, но ей казалось, что пожилой человек отзывается и на то, что она читает. В частности, ей показалось, что он чуть шевелит губами, когда она произносит имена героев. В какой-то момент он даже напомнил ей учителя латыни, который воздевал глаза к небу каждый раз, когда студенты неправильно ставили ударения, или коверкали имена благородным римлян.

Обратив на это внимание, она решила проверить, как на самом деле следует произносить выдуманные имена, и очень скоро обнаружила, что ответа на этот вопрос не существует в доступных источниках. Очевидно, об этом можно было бы спросить родственников или знакомых писателя, но интернет использовал лишь варианты, узаконенные сериалом.

Так или иначе, чтение странным образом вызывало все

больше и больше реакций, хотя, конечно, они оставались совершенно бессмысленными. Тем не менее, Лиля совершенно не исключала, что в какой-то момент все может измениться, а поскольку она не ждала этого чуда, а просто наблюдала за ситуацией, чайник, как и положено, начал закипать достаточно быстро.

Обращая внимания на активизацию подрагивающих конечностей, век, губ, а может даже и икр (на ноги Лиля обычно не смотрела), женщина-врач решила все-таки забрать фотосессию с живым гением в тот момент, пока он был еще не вполне живым. Она не без оснований полагала, что если пациент все же придет в себя, таких вольностей он может и не позволить.

И, как в воду глядела. В понедельник сделала фоточки, а сегодня в палате зафиксировано какое-то движение.

Лиля посмотрела в зеркало, освежила контур губ (скорее, машинально, но подразумевая «свидание»), и отправилась в бокс. Стенка уехала в нишу (ей нравилась футуристичность больницы и современные двери-стены, которые позволяли вкатить и выкатить каталку даже в том случае, если рядом идет человек), и система подняла яркость до полной.

Уважаемый всеми вокруг пациент пытался нелепо приподнять голову, и очень смешно щурился. Он определенно был в сознании. Теперь стоило выяснить, что именно сохранилось в этой голове. Доктор улыбнулась, вспомнив, как щелкала Адама с подрисованными тушью усиками, и вошла

в палату.

О, а вот и идет кто-то. Стена уехала, а свет ударил по глазам совершенно нестерпимо. Свееет, невольно протянул очнувшийся, почему-то осознавая, что сказать ничего не получается. Сузив глаза до щелочек (а где-то там в адамовом яблоке еще больше сощурился зрачок, уберегая палочки и колбочки от невыносимого количества фотонов), больной разглядел на фоне коридора темную фигура, вокруг которой растекался свет, обрамляя, подчеркивая и обволакивая. Очень похоже на *madonna negra*, но все-таки я пока не хочу встречаться с богородицей. Первые мысли были путанными, а шутки туповатыми. Хорошо хоть сейчас я развлекаю сам себя, а мне и это смешно.

– Скажите, пожалуйста, где я?

– Это клиника *Desenka*. Или вы хотели услышать «в больнице»?

– Я, конечно, соображаю плохо, но о больнице догадался. Сейчас день или ночь? И у меня почему-то вылетело из головы ваше название. Раньше никогда такого не было. Всегда помнил, куда приезжал. А так, остается только анекдот вспомнить – «к черту подробности, город какой». Надеюсь, мы в Киеве или около?

– Да, мы в Киеве. А вы точно не помните, как к нам попали? (Лиля не удержалась от невинного троллинга). И да,

сейчас ночь. Не знаю, планировали вы проводить ее со мной, но если что, после небольшого осмотра вы сможете снова лечь спать. Если захотите, конечно.

– Хм, должно быть, у вас мне сделали операцию. Впрочем, я особо ничего не чувствую, вероятно, наркоз не отошел. И хорошо, что ночь. С удовольствием проведу ее с вами. Если вы еще скажете, что завтра выходной, и у меня нет встреч, клиентов и работы, то эта ночь станет незабываемой.

– Завтра, точнее уже сегодня, суббота. Так что, можем закатить вечеринку.

– Суббота, отлично. Жаль, конечно, что футбол навернулся. Скажите, доктор, а я смогу в футбол, как Месси играть?

– Месси? Давненько не видела, чтобы он играл. Так что, можете попробовать.

– А как вас зовут? Извините, что перескакиваю. Я Адам, если что, но вы знаете, наверное.

– Меня зовут Лиля, вас я действительно знаю. Если вы позволите, раз уж вы проснулись, я бы хотела провести небольшое обследование, на время которого мы прервем наш невероятно увлекательный диалог.

– Вы доктор, вам и командовать, хотя в другой ситуации я бы предпочел другое распределение ролей.

– Угу, я наслышана, вернемся к этому позднее.

Больной, который пятнадцать лет был скорее мертв, чем жив, резко сменил статус, и Лиле уже было понятно, что он

сохранил и личность и память, и когнитивные способности. Разумеется, лишь обследование покажет, что он все-таки потерял (или приобрел, кто знает – мозг все еще остается темной материей), но ночной флирт настраивал на оптимистичный лад.

Лиля сама взяла анализ крови, проверила рефлексy, заставила выполнить несложные упражнения, проверила способности к сложению, вычитанию, умножению и делению, на скорую руку покопалась в памяти, спросив о значимых событиях двадцатого века (эту стезю она выбрала, дабы не спросить случайно о том, чего бывший покойник не мог знать, и тоже старалась не копать глубоко, дабы не оказаться в неведомых дебрях).

Состояние организма показалось врачу удовлетворительным. С интеллектом тоже, кажется, все было в порядке. Но чем больше она просила больного привстать, поднять руку или ногу, облокотиться на подушку без помощи «умной кровати», тем более явно в его глазах проступал вопрос, на который трудно было ответить не то что без ста, а и без двухсот грамм.

И сейчас Лиля раздумывала, не налить ли пациенту для облегчения восприятия.

У меня еще никогда не было такого симпатичного врача. Да и вообще у меня никогда врача не было. И полночи впереди. И она тут скучает явно. Похоже, что клиника дорогая,

и у нее на дежурстве минимум спокойных пациентов. Кстати, как я все-таки тут оказался. Десенка – надо же. Даже названия не помню. Странный наркоз в этот раз. Я и не напибался в жизни так, чтобы не помнить, как где-то оказался.

Спать уже не хочется, но и глаза закрываются. Может, кофе попросить. Вряд ли, конечно. Но попросить-то можно. Но самое главное – что мне оперировали-то, если не болит ни черта. И разговаривать могу. И трубки в шее нет. Чувствую себя Шариком, только без шрамов с колчаковских фронтов. Хотя шрамы может и есть, зеркала то нет, а трогать себя боязно.

Ладно, попрошу, пожалуй, кофе с минетом. Шансы на кофе в этом случае могут увеличиться. Господи, какая же я свинья. Ну а с другой стороны, чего она такая умная и красивая.

– Лиля, а будет очень нагло попросить чашку кофе? У вас есть ночные службы быстрого реагирования, которые могут прийти на помощь еще недавно умирающему? Если вы скажете, что кофе нельзя, я пойму. Если скажете, что целоваться не будем, тоже пойму, но это потребует больших усилий.

– Кофе? А коньяк в кофе налить или в отдельный бокал?

– Грешно смеяться над больными людьми

– Не смеюсь. Ночная смена есть. Кофе сделают, у нас отличная кофеварка. Коньяк мой личный, не успела выложить из машины – катается в багажнике. Мартель Кордон Блю.

И я не шучу, и не издеваюсь. Взамен попрошу держать себя в руках, по возможности. И это не о поцелуях. Подождете 10 минут? Свет реагирует на движение, но если хотите, я вам оставлю полный. Это сенсор вызова на тот случай, если почувствуете себя плохо, пока я буду ходить за коньяком. Придет другой дежурный.

– Тогда, эспрессо с молоком, и коньяк отдельно в бокал. Кордон Блю грех с чем-то смешивать. Постараюсь дождаться вас без эксцессов.

Лиля предупредила коллегу, что ненадолго выйдет, набросила плащ, и отправилась на парковку. В апреле она предпочитала оставлять машину на улице, рядом с корпусом, чтобы лишний раз подышать речной весной, приезжая на работу, или уезжая с нее. А сейчас проветриться совсем не мешало. К эйфории от врачебной удачи и неординарного события примешивалось странное чувство. Она легко и свободно общалась со знаменитостью, которая не знала, что она знаменитость. А еще это был мужчина, и она находила его привлекательным. И ей нравилось то, что он пробует границы, пытаясь флиртовать, опираясь на комичность самого предположения, что он может флиртовать. Интересно, а что у него с одеждой. В клинике ничего не было, что и понятно. В принципе, он утром вполне может пойти прогуляться, но без одежды это будет сложно. Ладно, будет день, будет пища. Пока надо его ввести в курс дела.

По ощущениям прошло совсем немного времени, или он опять успел провалиться в сон. Лиля пришла с подносом. Аромат кофе заставил прослезиться. Он даже не мог подумывать, как сильно он хочет кофе. На подносе было две чашки и два бокала. Бутылку девушка принесла отдельно в бумажном пакете. Не хватает только свечи, чтоб жар соблазна вздымал, как ангел два крыла... Впрочем, и ангел и жар в наличии.

Адам жадно нюхал кофе. Это было поразительно, он готов был выть от наслаждения, и говорил сам себе, что больше всего на свете он сейчас хочет чашечку кофе. Первые глотки торопливые, но не жадные, отдавая честь напитку.

Теперь коньяк. Господи, есть же вечные ценности в этом мире. Не буду прикасаться губами, побуду немного ангелом, вкушающим свою долю, и обозначающим восторг трепетанием ноздрей и крыльев.

Если мне принесли коньяк, операции вчера точно не было. Лилия, хоть и выглядит, как Лилит, пришедшая посмотреть как там дела у свежесотворенного Адама, но вряд ли позволит себе вольности со здоровьем пациента. Тем более, что он уловил легкую тревогу в ходе сессии вопросов и ответов, призванных, как ему показалось, засвидетельствовать, что он в здравом уме и твердой памяти.

Как же жадно он пьет. Может, стоит пролежать 15 лет,

чтобы так ярко воспринимать все вокруг. И это он еще в ресторан не пошел. И мы с ним не переспали... Последняя мысль явно была лишней, но втиснулась в ряд, органично дополняя перечень грехов или райских наслаждений.

Он выглядит достаточно уравновешенным. Расскажу под коньяк. Что, в конце концов с ним случится? Все равно ему дальше с этим жить. Пожалуй, стоит показать ему пару фоток, из тех, что делала. Кажется, он оценит.

Мужчина и женщина сидели друг напротив друга и пили кофе. Мужчина в обрамлении подушки, женщина в контрольном свете, который превращал ее в ангела. У мужчины были важные вопросы, у женщины сотни ответов. Драматургия подталкивала их к близости, ведь они были одни, на дворе стояла ночь, и самое главное, им было о чем поговорить. Так, под сенью только созданных светил, к едва проснувшемуся Адаму приходила Лилит, чтобы поведать ему о том, что происходило в мире раньше, откуда на самом деле взялись твари господни, и почему они оказались в таком прекрасном месте.

Лилит была мудра, Адам наивен, но может быть, их разделяла всего лишь разница в познаниях. Адам нравился Лилит, но скорее, как новая игрушка, а сам Адам вообще не понимал, что такое «нравится». Лиля знала про Адама намного больше, чем он сам, а Адам чувствовал это, сопоставляя и раздумывая, но скорее на уровне интуиции.

У женщины и мужчины было немало общего, но сейчас

ярко проявилась одна черта – они любили наслаждаться моментом. Они оба понимали, что их ждет очень необычный разговор, и не торопились, желая растянуть удовольствие.

Вначале кофе, глядя друг другу в глаза. А в глазах коктейль – три части любопытства, три теплоты, часть влюбленности, и щепоть озорства – смешать, но не взбалтывать.

И вот кофе окатил первой волной наслаждения, отдал первый вкус, и показал, что готов объединиться с коньяком. Адам откупорил бутылку, и разлил. Крылья затрепетали. Традиционное «за встречу» прозвучало как нельзя более уместно.

– Адам Богданов, – предельно официально, чтобы усилить контраст с неформальностью обстановки, начала Лилля, – вчера вам не делали операцию, и более того, физически сейчас вы совершенно здоровы. В нашу больницу вы попали не вчера, и совершенно естественно, что вы не помните, где припарковали свою машину. Сегодня 20 апреля 2035 года, и я могу вас поздравить с тем, что вы очнулись после пятнадцатилетнего пребывания в бессознательном состоянии.

Мир за это время немного изменился, но, кажется, не так радикально, чтобы вам было сложно в нем адаптироваться. В нашу больницу вы попали раньше чем я, поэтому мне сложно что-то сказать об обстоятельствах, которые этому сопутствовали.

– Что ж, давайте за это выпьем, – через паузу, ошараше-

но, но без надрыва, – в целом, мне кажется, это хорошая новость. А что операции вообще не было? Вы сказали, что физически я здоров?

– Операция была, но в 2020 году. Она прошла успешно, если так можно сказать. Говоря простыми словами, вы не вышли из наркоза, но опухоль вам удалили, и к тому моменту, когда я начала тут работать, ваше физическое здоровье не поддавалось никаким сомнениям. Думаю, что в ближайшие дни вы сможете отправиться домой. Это правда мое мнение. Светила вас еще посмотрят, но если вам и понадобится реабилитация, то только психологическая. Ну и адаптация в 2035, разумеется.

– Мир, в котором сохранился Кордон Блю и хорошие кофемашины не может быть плох по определению. Возможно, мне повезет, и я сумею соблазнить одного Чичероне, который станет проводником в этом дивном новом мире.

– Боюсь, роль Вергилия я не потяну, хотя латынь помню неплохо. Наверное, мне стоило бы воспользоваться той асимметрией информированности, которая сложилась между нами, и сразу принять поступившее предложение. А то завтра вы начнете кастинг Чичероне, и поверьте, вам будет из кого выбрать.

– Я стал богат и знаменит? Вы возили меня по городам и выставляли на потеху публике, как знаменитого «спящего человека»? Наверное, я мог бы еще сниматься в роли покойников, и получить Оскара за роль второго плана. Лиля, вы

меня интригуете.

Глава 2

*Перебирая годы поименно,
Поочередно окликаая тьму,
Они пророчить станут перемену
Дождю, земле, любви – всему, всему.*
Б. Пастернак

16 сентября 2016 года

В Гэтвике как всегда много людей, но еще больше мест, где они могут с удовольствием провести время. Дьютики, кафешки, рестораны и прочие «горячие точки» перетекания денег со счетов путешественников в доход компаний, продающих товары или услуги.

Большинство улетающих прибывают в аэропорт загодя, и теперь будут расплачиваться за свою пунктуальность живыми деньгами. Люди теряют деньги на ходу – для этого уже не надо лезть в карман и доставать пенсы, шиллинги, соверены или гинеи. Нет нужды даже в бумажках. Приложить карточку, поднести телефон, поднять руку с часами – трата денег стала незаметным и неконтролируемым процессом.

Старые добрые уловки казино, оставивших игроков в комнатах без окон и часов на стенах, дабы те не следили за ходом времени и продолжали играть до тех пор, пока кошелек не истощится, кажутся смешными на фоне современ-

ных «хитростей».

В сущности, это и не хитрости вовсе – это «улучшение пользовательского опыта» – новая икона современного маркетинга. Но мы то с вами знаем, что это детали в которых кроется дьявол, и которые если что и улучшают, то дорогу от кошелька покупателя к кошельку продавца.

Раньше эта дорога была практически непроходимой – деньги были редкостью, а нахождение эквивалента между стоимостью различных товаров – задачей «со звездочкой». Мера пшеницы могла стоить и плоску оливкового масла и доброе пророчество, а в другой ситуации стоимость пророчества измерялась в целой амфоре масла.

Каждая сделка была священнодействием, и могла сорваться по тысяче причин. Массовые продажи были делом не только непростым, но и почти невозможным, не зря первые купцы – мастера серийных продаж были людьми чрезвычайно интеллектуальными – настоящей элитой старого мира.

С массовым распространением металлов, как единиц расчета сделки стали совершаться легче, однако, и тогда желание расстаться с приятной тяжестью золота, серебра или даже меди возникало лишь при наличии очень привлекательного предложения.

Античные империи прокладывали не только физические дороги, вроде Великого шелкового пути или знаменитой римской сети, но и мостили дорогу торговли. Деньги повсеместно вошли в обиход, и траты пошли веселее.

С бумажными деньгами люди и вовсе расставались куда легче, особенно после того, как инфляция в разных странах показывала, как они почти моментально могут превратиться в ничто.

Однако, покупка с помощью живых денег и даже чековой книжки оставалась сознательным актом. Каждый раз человек задумывался, доставая из кошелька одну или несколько купюр, или выписывая сумму со многими нулями.

Когда движение денег стало осуществляться практически без процесса, который можно было бы осознать, древняя дорога, по которой деньги путешествовали от покупателя к продавцу, превратилась в настоящий гиперлуп, который моментально доставляет из точки в точку любую сумму, не давая повода задуматься о том, что происходит.

Не остались в стороне и банкиры, превратившие потребительский кредит из значимого события и процесса в нечто само собой разумеющееся.

Благодаря всем этим улучшениям по залам Гэтвика ходили тысячи людей, готовые непрерывно совершать покупки, словно в телефонах, на карточках и в часах у них были вмонтированы философские камни, превращавшие килограммы желаний в фунты стерлингов.

В голове у Богданова загорелось красивое табло и начало отсчитывать бессмысленно потраченные деньги. Пендант Пандора у солидного господина, ах нет, две подвески – жене и не жене, очевидно. Безумный переходник с десятком от-

верстий у молоденькой девушки, которая хочет стать хозяйственной. Двенадцатилитровая бутылка виски у трех веселых юнцов – хотя нет, бутылка сторнируема, им еще нет 21 года, и они весьма опечалены. Чемодан от Луи Виттон для гостьи из Поднебесной – чемодан, конечно, хорош, но вряд ли бы она приобрела его, если бы держала в руках пачку фунтов, которую пришлось выложить. А еще тонны невкусной снеди и сотни литров почти отвратительного кофе для всех посетителей – им ведь надо чем-то занять себя в ожидании рейса.

Табло высветило промежуточный итог пяти минут в зоне видимости – что-то порядка ста тысяч фунтов, и погасло даже не превратившись в язвительный пост в фейсбуке.

Сам Адам не принимал участие в этой вакханалии, потому что не имел привычки приезжать в аэропорт заранее, а чаще даже слегка опаздывал. В этом раз он опоздал не слегка, а надежно. Настолько надежно, что не к кому было даже апеллировать – стойка была закрыта, а сотрудники авиалиний удалились. Наш герой не мог применить нехитрый арсенал трюков, стараясь разжалобить блюстителей заполненности рейсов, и его это, конечно, опечалило.

Виноват был, безусловно, таксист, который решил срезать путь и встрял в тянучку на какой-то забытой богом, но не водителями, дороге между селами. И когда ему наконец удалось выбраться из этой западни – было поздно. Благородная ярость вскипала в Богданове всю дорогу, и едва не вырвалась в пронзительный свисток, когда он наконец опоздал.

На самом деле, не стоило заказывать такси за полтора часа до вылета, и затем опаздывать, вызывая удивление водителя. Не стоило заказывать три последних коктейля в Термини накануне, не стоило после каждого коктейля просить кофе по-ирландски, поскольку обычный кофе уже не подавали. Много чего делать не стоило, но маркетолог делал и делал, с упрямством, достойным лучшего применения, а теперь, вместо того, чтобы хоть попытаться проанализировать свои глупости, пытался выместить злость на всех окружающих.

Впрочем, насмехаясь над безумными потребителями, он и сам, незаметно для себя самого запустил пару сотен фунтов в денежный гиперлуп, приобретя билет на завтрашний рейс и забронировав гостиницу. После этого последовала необязательная, но жизненно необходимая чашка кофе, которая приволокла мысль о том, что лишний день в Лондоне – это не наказание, а дар божий, а корпоративная бухгалтерия как-нибудь примет и спишет дополнительные расходы. Теперь стоило отменить киевские встречи, назначенные на сегодня, и, возможно, еще подумать об итогах вчерашней презентации.

Сообщение, отправленное помощнице, решило вопрос с встречами, которые одна за другой стали исчезать из календаря, а вот идея еще поработать показалась маркетологу не самой привлекательной. Вначале доеду до гостиницы, а потом решу, что делать.

Пока Гэтвик-экспресс увлекал его к Виктория стейшн, он успел в красках описать случившуюся нелепость в маленьком, но очень веселом чате, и тут же получил ответ – была у нас в уезде аналогичная история.

Запускают продажи нового смартфона-флагмана. Ажиотаж выше крыши – все уже на презентацию съездили – кто в Сеул, кто в Нью-Йорк, передрались за квоты, получили меньше, чем хотели, потом снова передрались, получили больше, собрались запускать продажи.

Все чин-чинарем – начали готовиться – примерно, как ты билет купил и такси вызвал. Ключевики выбрали, кампании настроили, денег зарядили – трафик идет – все прекрасно. Насобирали предзаказов, отчетики всем показали, а потом пришел день Ч, и колл-центру забыли сказать, что продажи уже стартовали. Вспомнили на следующий день, когда собирались победные реляции писать, и о перевыполнении плана рапортовать. Подняли продажи, а там пара десятков сделок. Конечно, сразу руководителя колл-центра позвали, а он, как оказалось, из переписки по этому вопросу выпал, и ни сном ни духом не знал, что пора стартовать.

Ругались громко, чуть до кулаков не дошло, операторам сказали, что заказчиков срочно обзванивать надо, а поздно уже – конкуренты подсустились, и база вся коварно к ним ушла.

Так вот маркетологи тамошние тоже много про лояльность рассказывали, и какой клиент неприятный пошел –

сразу у всех заказывает, и не хочет дожидаться, пока ему самый любимый магазин позвонит. И даже подарочки ему не нужны – все выписали, оформили и получили даже. И все денежки на продвижение пришлось в утиль списать.

В общем, не печалься, ты, по крайней мере в Лондоне еще день проживешь, а ребятам надо как-то эти смартфоны без бюджета продавать.

Настроение улучшалось, и Богданов думал о том, что презентация – это самое малоинтересное из того, чем можно заняться в Лондоне. Его ждал Тейт с полнейшим собранием Тернера, Тейт-модерн с Моне и Ротко, Альберт-холл и Британский музей. А вечером мюзикл, например «Книга Мормона» и вечно веселый Сохо – такой простой на карте, и такой путанный для совершающего путешествие по барам путника.

В Лондоне, где маркетинг достигает своих высших воплощений не хочется думать о тоскливой и унылой работе в успешной украинской компании. Собственно, о работе вообще не хочется думать, но о масштабах собственных задач и свершений тем более.

Хочется думать о прихотливом распределении сил и ресурсов маркетологов, пытающихся склонить к покупкам привередливую лондонскую публику. О том, как много времени (и наверняка, денег) они посвящают оформлению витрин. Каждый сезон лучшие художники-оформители (трудно назвать этих людей просто дизайнерами) создают потрясаю-

щие концепты, которые проходят апробацию на глазах взыскательной лондонской публики, а потом разлетаются по миру. Новые образы, новые находки, новая эстетика два раза в год – этот конвейер не останавливается, и, кажется, именно он заставляет вновь и вновь возвращаться к любимым брендами, неизменно попадая под их очарование, и не находя повода ощутить, что вкусы не совпадают. Ты можешь не смотреть телевизор, поставить блок на онлайн-рекламу, не слушать радио, и все равно лондонские бренды достучатся до тебя, а ты будешь еще долго рекомендовать их знакомым.

Ты не сможешь пройти мимо потребительских икон – Harrods, Selfridges, HN – а попав вовнутрь совершишь, возможно единственный, но максимально результативный контакт с новым брендом. Тебя не собираются обволакивать рекламой со всех сторон, пытаясь достучаться до сознания или подсознания. Тебя намерены поразить один раз, но зато так, чтобы ты навсегда это запомнил, а бренд стал предметом твоих мечтаний. Не уговорить, не рассказать вкрадчиво, не надоесть, а форменным образом поразить, не считаясь с затратами. Произвести неизгладимое впечатление здесь и сейчас – вот задача лондонской рекламы, и она с ней справляется блестяще.

И если ты решился стать в Хэрродс или открыться на Нью-Бонде, подумай о том, как ты будешь поражать воображение людей, которые привыкли к тому, что в этом месте они

видят все самое лучшее. После того, как ты принял решение, и подписал договор аренды, у тебя нет пути назад. Если ты будешь хуже своих коллег из Tiffany, Hermes, De Graaf, Gucci, Logo Piana – ты просто потеряешься и не найдешь ни одного покупателя. А они задают планку, до которой очень непросто дотянуться.

В результате этого интеллектуально-творческого соревнования планка все время повышается, покупатель становится все более избалованным, а заодно и «окультуренным», и мы год за годом любимся этой гонкой вооружений.

А что у нас? У нас тратить деньги на творчество не принято.

Наша гонка вооружений разворачивается в другой плоскости. Мы не верим в то, что можем сделать что-то умное, красивое или значимое. Мы верим в то, что можем изнасиловать людей своими «сообщениями», и готовы вкладывать в этом деньги.

Брутфорс – вот наш подход к маркетингу. Изнасиловать потребителя своими ужасными шуточками или пластиковыми персонажами, а не впечатлить его творчеством музейного уровня.

Почему мы не хотим думать? Потому что не знали настоящей конкуренции. Привыкли все вопросы решать деньгами, и не ждем прорывов.

Успешный менеджер и консультант Богданов привычно бурчал, обозревая окружающую действительность. Чем

дольше Адам занимался управлением всяческими бизнес-процессами, организацией менеджмента компаний, продажами, маркетингом, тем более привычным становилось его бурчание, как в разговорах, так и во внутренних монологах.

Ему надоело то, чем он занимался. Он не хотел зарабатывать деньги. Он не хотел «делать проекты». Не хотел «добиваться успеха». Он все острее чувствовал одиночество в желаниях, ценностях и устремлениях. Мир хотел виски, а он предпочитал коньяк. Мир поглощал комиксы, а он читал большие романы. Мир восторгался музыкой, он был к ней равнодушен. Мир считал счастливый брак значимой ценностью, для него это была абстракция. Он шел не в ногу, хотя с детства мир заботился о том, чтобы он был в строю.

Но он был зависим от мира, и это вызывало уже не бурчание, а настоящее бешенство. Он хотел порвать связи, но барахтался в них, словно пристегнутый ремнями безопасности в машине, которая никуда не едет.

Глава 3

Открыли дверь, и в кухню паром

Ввалился воздух со двора.

И все мгновенно стало старым,

Как в детстве в те же вечера

Б. Пастернак

21 апреля 2035 года

После утреннего консилиума, где Лиля делала короткий доклад, а обещанные светила тоже деликатно проверяли здравость ума, твердость памяти и сохранность рефлексов, Адаму сообщили, что его состояние не вызывает беспокойства, и он вскоре сможет отправиться домой, или куда посчитает нужным. Означенные пару дней медики берут на то, чтобы понаблюдать за состоянием пациента и убедиться, что оно стабильно. Плюс они хотели бы проверить, как организм отреагирует на минимальную физическую нагрузку, и регулярную еду.

Для господина Богданова составили график занятий в реабилитационном зале, а также предложили побольше гулять вдоль речки, благо апрель выдался теплым, а закрытая территория уберегала больного от опасности подхватить вирусы, от которых он еще не был привит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.